

Г. Е. Корнилов
МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

XX век проходил под знаком модернизации; внутренние миграции были одной из характерных черт жизни российского общества. Урал, находящийся в центре Евразийского континента, представляет собой достаточно разветвленную систему расселения населения с различной плотностью его распределения. Его формирование в конце XIX — первой половине XX в. проходило в значительной степени за счет переселенцев. Это обстоятельство определило демографическое лицо и региональную специфику старейшего военно-промышленного района России. Миграции населения стали фактором глубинных изменений в этническом и демографическом развитии Урала, в численности, размещении, структуре его населения.

На протяжении XX столетия численность населения региона увеличилась с 6,8 млн человек в 1897 г. до 19,8 млн человек в 2002 г., а его доля в общей численности российского населения выросла соответственно с 10,3 % до 13,6 %.¹

Учитывая значительную роль фактора миграционной подвижности, мы попытались связать основные этапы демографического перехода на Урале с фазами миграционного процесса и показать их влияние на формирование состава населения региона. Теоретические построения, связавшие демографический и миграционный переходы с помощью концепции модернизации жизни, были предложены американским географом В. Зелинским: «Существуют определенно выраженные закономерности в увеличении территориальной мобильности, происходящие поэтапно, и эти закономерности представляют существенный элемент процесса модернизации».² Он выделил пять стадий модернизации и, пять фаз

миграционного перехода. По мере утверждения индустриального сообщества как в России в целом, так и на Урале на протяжении XX в. происходил переход от малоподвижного образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию миграционного движения.

Исследования процессов формирования населения в регионе активизировались лишь в последнее двадцатилетие. История населения Урала активно изучалась В. В. Алексеевым, Г. Е. Корниловым, А. И. Кузьминым, А. Г. Оруджиевой, М. А. Фельдманом.³ Обобщающей работой по истории демографического развития Уральского региона стала книга «Население Урала. XX век. История демографического развития». В этой коллективной монографии формирование населения Урала представлено в длительной исторической ретроспективе в рамках концепции демографического перехода.

Среди зарубежных исследований выделяются труды английского историка П. Гэтрелла, который предложил собственную концепцию феномена «беженства» в России.⁴ Он исследовал проблемы передвижения огромных масс беженцев по территории России в годы I Мировой войны, их судьбу на местах вселения, национальную самоидентификацию, отношение к ним местного населения. Его расчеты показали, что беженцы составляли 6 % населения Российской империи. Проблемы миграции сельского населения в города в 1930-е гг. и введение паспортной системы в СССР ис-

¹ См.: Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др. Екатеринбург, 1996. С. 136; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: сб. ст. М., 2007. С. 22, 34.

² Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition // *Geographical Review*. 1971. Vol. 61, № 2. P. 219–249.

³ Алексеев В. В. Взаимодействие социально-экономических и демографических процессов на Урале в условиях тоталитарного режима // *Историческая демография: новые подходы, методы, источники*. М., 1992. С. 3–5; Корнилов Г. Е. Демографическая структура сельского населения Урала (по данным Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг.) // *Социально-демографическое развитие уральского села*. Свердловск, 1988. С. 37–47; Он же. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Он же. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // *Отечественная история*. 1993. № 3. С. 67–82; Он же. Население Свердловска в военные годы // *Российская история*. 2010. № 4. С. 94–106; Оруджиева А. Г. Динамика численности населения Урала в советский период // *Население России и СССР: новые источники и методы исследования*. Екатеринбург, 1993. С. 29–38; Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. 430 с.; и др.

⁴ Gatrell P. A whole empire walking refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. 317 p.

следовал нидерландский историк Х. Кесслер.⁵ Вопросы отходничества крестьян он изучал на материалах Среднего Урала. Процессы в социально-демографической сфере Урала в 1920–1930-х гг. охарактеризованы в монографии Дж. Харриса.⁶

Краткий обзор историографии проблемы показывает, что в исторической и демографической литературе накоплен теоретический и статистический материал по формированию населения, проанализирована динамика основных демографических показателей, выявлены факторы, влиявшие на демографические процессы. Тем не менее, история миграций населения Урала в первой половине XX в. осталась практически не изученной: в научной литературе затрагивались лишь отдельные ее проблемы.

* * *

Миграционная подвижность населения Российской империи значительно активизировалась в пореформенное время. Главный поток переселения шел из центрального промышленного региона на земельные окраины — в Предкавказье, Сибирь, столичные губернии. К районам активного миграционного притока относился и Южный Урал (Оренбургская и Уфимская губернии). В целом же, для Урала этого периода была характерна низкая миграционная активность. Незначительное пополнение сельского населения региона за счет мигрантов наблюдалось в годы проведения столыпинской аграрной реформы. Так, за 1906–1914 гг. в Пермскую губернию переселилось 37 тыс. человек.⁷

Первый мощный поток массовых перемещений людей падает на период I Мировой и Гражданской войн, крестьянских восстаний и голода 1921–1922 гг. Уральский регион, соединенный тремя параллельно расположенными железнодорожными путями с восточными и западными территориями, явился одним из основных мест сосредоточения переселенцев, что было связано не только с его геополити-

ческим положением, но и с его высокой миграционной емкостью и привлекательностью (относительная удаленность от районов военных действий, запасы продовольствия и другие факторы).

В 1914–1924 гг. через Урал прошло три потока беженцев I Мировой войны. По расчетам П. Гэтрелла, к 1917 г. на территории Российской империи «рассеялось» около 850 тыс. человек.⁸

К 1920 г. в уральских губерниях оказалось 135 тыс. иностранных подданных (17,8% от всех зарегистрированных беженцев по России). Многие из них желали немедленно покинуть пределы Советской России (особенно поляки, латыши, литовцы):⁹ это были в основном эвакуированные в 1914–1915 гг. вместе с промышленными предприятиями и беженцы из прифронтовой полосы.

Военные действия, связанные с наступлением войск А. В. Колчака, а затем — Красной армии, на всей территории региона проходили в 1918–1919 гг. Они вызвали вторую волну переселенцев, которая была представлена в основном жителями центральных, южных и восточных губерний, спасавшимися от белого и красного террора. Пик этой миграционной волны пришелся на 1919–1920 гг., когда на территории только Екатеринбургской губернии скопилось 19 тыс. беженцев.¹⁰ Параллельно с этим на Урале происходили крупные внутренние перемещения значительных масс людей, вызванные Урало-Сибирским восстанием и другими крестьянскими волнениями.¹¹

Особое место в истории миграционного движения на Урале занимает третья волна беженцев. В 1921–1922 гг. сюда хлынул поток неорганизованных переселенцев из районов Поволжья, Казахстана, пораженных голодом, получивший название «голодобеженцы». Точное количество их неизвестно, так как учета не производилось. В донесениях и информационных сводках приводились лишь сведения типа «наплыв беженцев», «много беженцев, оставляющих своих детей».¹²

⁵ Kessler G. The peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–40. PhD-thesis. European University Institute, Florence, 2001; Kessler G. The passport system and state control over population in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du Monde russe, 42/2-3-4, Avril-décembre 2001, pp. 477–504.

⁶ Harris G. R. The great Urals: Regionalism and the evolution of the Soviet system. Ithaca; London, 1999. 256 p.

⁷ См.: Вакатова Л. П. Социально-экономические итоги столыпинской аграрной реформы // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965. С. 62.

⁸ Gatrell P. Op. cit. P. 32.

⁹ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 4. Д. 604. Л. 13.

¹⁰ ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 199. Л. 50–75.

¹¹ См.: Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001. 544 с.; Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. 316 с.; и др.

¹² Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы. Екатеринбург, 2000. Т. 1. С. 320–393.

Демографическая структура Уральского региона в первой четверти XX в. претерпела заметные изменения. В начале 1920-х гг. все перечисленные выше миграционные потоки слились, работа эвакоорганов была практически парализована. Антисанитарные условия, недостаточное количество продовольствия и другие факторы приводили к быстрому росту заболеваемости, к вспышкам эпидемий тифа, холеры, малярии, туберкулеза и к увеличению смертности населения. В связи с катастрофическим положением региона учет беженцев не велся. Поэтому большинство сведений о численном соотношении волн мигрантов носит приблизительный характер. Огромное количество беженцев проходило через территорию Урала транзитом.

Материалы переписи населения 1926 г. показывают, что с 1917 по 1926 гг. на Урал прибыло 716 тыс. человек (те, кто дожил до момента переписи).¹³ Параллельно происходил отток населения с территории Уральского региона, поэтому общий миграционный прирост населения в первой половине 1920-х гг. имел отрицательное сальдо (-5,7% ежегодно). Так, только за 1920–1922 гг. отток составил свыше 0,5 млн человек.¹⁴ Естественный прирост населения также был отрицательным. Только за 1922 г. естественная убыль населения Урала составила 11,7%. В целом, сокращение населения Урала с 1920 по 1923 гг. составило около 15%.¹⁵

На территории Урала в эти годы фиксируются еще две категории переселенцев. Это — военнопленные I Мировой войны и беспризорные дети. По сведениям М. А. Фельдмана, к 1917 г. количество военнопленных на Урале достигло 60 тыс. человек. На территории Тобольской губернии их насчитывалось 22,6 тыс. человек, Пермской — 19 тыс., в Богословском округе — около 16 тыс. человек.¹⁶ Эта социально-демографическая группа была практически исключена из процесса воспроизводства насе-

ления. Подавляющая часть военнопленных к середине 1920-х гг. возвратилась на родину.

Вместе с потоками беженцев на Урал прибывали беспризорные дети. Основным фактором детской беспризорности в начале 1920-х гг. были голодобеженцы из центральной и западной России (по приблизительным расчетам 10 тыс. детей). Пополнялся отряд беспризорных и за счет местного голодающего населения. Для выхода из сложившейся ситуации в Екатеринбургской губернии были открыты новые детские дома для детей умерших от голода родителей. К октябрю 1922 г. их контингент составил 13,8 тыс. человек.¹⁷ Масштабы притока беспризорных детей на Урал были так велики, что его можно рассматривать как самостоятельный миграционный поток. К 1925 г. на территории Уральской области скопилось до 39 тыс. беспризорных детей (из них более половины были неместными). Государство стремилось закрепить их на определенной территории, предприняв ряд мер, призванных удержать детей от дальнейших перемещений.¹⁸

Материалы переписи 1926 г. позволяют реконструировать миграционные связи Уральской области. В личный листок переписи были включены вопросы о месте рождения, продолжительности проживания на данной территории. На этой основе выделялись местные и неместные уроженцы. Анализ материалов показывает, что основной приток мигрантов в 1914–1925 гг. был из сельских местностей (66,5%), источником служили Вятская губерния (26%), Средне-Волжский край (19%), Центрально-Промышленный район (12%) и Башкирская АССР (7%). Состав переселенцев по возрасту и полу отличался от половозрастного состава населения районов вселения. Анализ данных переписи показал, что среди населения Уральской области доля детей (0–14 лет) и пожилых людей (60 лет и более), с одной стороны, и доля лиц 15–60 лет — с другой, примерно одинаковы (50,7% и 49,3%), тогда как среди мигрантов удельный вес первых был в 3 раза меньше, чем вторых (24,7% и 75,3%). Среди переселенцев преобладали лица женского пола репродуктивного возраста. Доля мужчин среди населения Уральской области составляла 49,6%, а женщин — 50,4%, в то время как в составе мигрантов мужчины

¹³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отдельный оттиск табличной части. М., 1930. С. 116.

¹⁴ Население Урала. XX век. С. 17.

¹⁵ См.: Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 9; Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург, 1922. С. 20; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. Челябинск, 1923. С. 11.

¹⁶ См.: Рукосуев А. Е., Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны на территории Богословского горного округа: условия труда, содержание // Вооруженные конфликты на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 90–94; Фельдман М. А. Указ. соч. С. 8; ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 567. Л. 15, 27, 34.

¹⁷ ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 79. Л. 55.

¹⁸ Там же. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 127. Л. 70, 272.

составляли 37,7%, а женщины — 62,3%. Кроме того, мигранты в возрасте 15–49 лет составляли 75,2%. На территории Уральской области в связи с интенсивным прибытием населения, в результате «омоложения» его структуры к середине 1920-х гг. происходит активизация демографических процессов — рост брачности и рождаемости. В целом, формирование населения Урала в первой четверти XX в. происходило в значительной степени за счет переселенцев: каждый третий житель Уральской области прибыл на эту территорию, две трети были переселенцами после 1917 г.¹⁹

Итак, конец XIX в. — первая четверть XX в. — первая фаза миграционного перехода на Урале, для которой характерно вовлечение огромных масс населения. Основными его факторами были не экономические, а скорее социальные и политические, связанные с военными действиями и распадом Российской империи.

Вторая фаза миграционного перехода охватывает период с середины 1920-х и до конца 1950-х гг. Внутри этого периода можно выделить следующие четыре этапа: середина — конец 1920-х гг.; 1930-е гг.; 1941–1945 гг.; 1946 — конец 1950-х гг.

Вторая фаза миграционного перехода связана с процессами индустриализации, урбанизации, коллективизации, вызвавшими массовое движение населения из села в город. Сельская местность явилась основным источником пополнения численности населения и трудовых ресурсов городов и рабочих поселков Урала. Этому способствовал более высокий естественный прирост населения на селе. Мощный размах промышленного строительства в регионе, особенно в годы первых пятилеток, прием, размещение и пуск эвакуированных предприятий в годы Великой Отечественной войны, создание предприятий атомной промышленности в послевоенное десятилетие — эти процессы сопровождался резким ростом количества рабочих мест. Все возрастающие потребности в рабочей силе удовлетворялись в основном сельско-городской миграцией.

С 1925 по 1930 гг. в связи с аграрным перенаселением в центральных губерниях и областях неблагоприятная ситуация там усугубилась настолько, что лишь планомерная разгрузка этих местностей путем переселения крестьян

на свободные земли могла решить назревшую демографическую проблему. Уральская область постановлением СНК СССР от 4 октября 1927 г. была признана районом, «имевшим для переселения союзное значение». Согласно плану Народного комиссариата земледелия, предполагалось в течение 10 лет переселить на территорию Уральской области до 500 тыс. человек.²⁰ Переселение осуществлялось в три округа — Троицкий, Ишимский и Тюменский. До 1930 г. в Уральскую область было заселено 60 тыс. мигрантов. Значительную часть совокупного миграционного прироста (до 80%) составили самовольные переселенцы (в основном с Украины).²¹

Исчерпание свободных земель, годных для сельскохозяйственной колонизации, при продолжавшемся движении крестьян из перенаселенных районов Советского Союза на Урал, острая потребность народного хозяйства страны в освоении естественных богатств окраин (запасов сырья, топлива, энергетических ресурсов) привели к необходимости развития промышленной колонизации. Под этим термином понималось «обеспечение работавших или проектируемых генеральным планом предприятий постоянным составом рабочей силы, создание для рабочих благоприятных условий для жизни, постепенное и прочное освоение земельной территории в районе предприятия».²²

Размер и темпы колонизационных мероприятий должны были согласовываться с производственными планами предприятий. Миграция рабочей силы на действующие и строящиеся предприятия Урала была двух видов — безвозвратная миграция и сезонная. Безвозвратная миграция включала переселение рабочих вместе со всем имуществом и семьей из различных регионов СССР на Урал с целью постоянной работы на определенном предприятии. За счет данной категории мигрантов происходил интенсивный рост городского населения. За 1926–1929 гг. на предприятия и стройки Урала прибыло около 420 тыс. рабочих (37% — из различных областей региона; 58% были выходцами из села).²³

²⁰ ГАСО. Ф. р-239. Оп. 1. Д. 44. Л. 153; Д. 460. Л. 72; ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1493. Л. 16.

²¹ См.: Хозяйство Урала. 1928. № 8–9. С. 6–33.

²² Там же. 1926. № 13–14. С. 170.

²³ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928. Свердловск, 1929. С. 42–45; Уральское хозяйство в цифрах. 1929. Свердловск, 1930. С. 20–21; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1931. Вып. 1. С. 50, 51.

¹⁹ См.: Корнилов Г. Е., Павлова О. В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) // Урал. ист. вестн. 2003. № 9. С. 225.

Среди сезонных мигрантов преобладали крестьяне-отходники, имевшие возможность подработать на промышленных предприятиях в свободное от сельского хозяйства время, и рабочие, завербованные на определенный срок (на 3 месяца, 6 месяцев, 1 год). Эта категория мигрантов представляла для промышленных предприятий наибольшие проблемы, так как не позволяла создать «костяк» постоянных кадров.

Во второй половине 1920-х гг. не утихал поток и беспризорных детей. В 1926 г. Наркомпрос РСФСР разработал перспективный план по борьбе с детской беспризорностью, согласно которому предполагалось изжить это явление полностью в трехлетний срок. Обследование, проведенное в Уральской области, показало, что основной причиной беспризорности детей является сиротство (23 % опрошенных) и бегство из детских домов (21 %). По возрастному составу среди беспризорников преобладали дети 12–14 лет. Детей и подростков в детских учреждениях интернатного типа в Уральской области насчитывалось в 1926 г. 19,5 тыс., под опекой состояло 18,9 тыс., под патронатом — 1,6 тыс. Таким образом, детей-сирот насчитывалось более 40 тыс. человек.²⁴

Ускоренное наращивание экономического потенциала восточных районов страны вызвало в 1930-е гг. невиданные массовые перемещения населения, как добровольные, так и принудительные. Насильственная трудовая миграция вплоть до начала войны являлась основным источником рабочей силы. Первая мощная волна была связана с раскулачиванием. Только за 1930–1931 гг. на Урал было выслано 128 тыс. семей (более трети от общего числа раскулаченных по стране). Численность спецпереселенцев в Уральской области достигала, по разным оценкам, от 564 до 573 тыс. человек. Основными источниками принудительных мигрантов являлись Украина (25 %) и Северный Кавказ (20,3 %).²⁵

За межпереписной период 1926–1937 гг. численность населения Урала выросла на 1,8 млн человек. Миграция в города в эти годы превышала показатели естественного прироста. В городах региона проживало уже 37 % населения. За 1937–1939 гг. численность населения Урала увеличилась на 8,9 %, это совпало

со второй миграционной волной, связанной с массовыми репрессиями. За 1937–1940-е гг. положительное сальдо миграции составило более 720 тыс. чел., т. е. масштабы миграции практически приблизились к размерам естественного прироста.

Основной формой привлечения рабочей силы в промышленность в конце 1920-х–1930-е гг. стал организованный набор. Источником обеспечения нужд промышленности, особенно строительства, было крестьянство. Материалы профсоюзной переписи, проведенной в 1932–1933 гг., показывают, что практически во всех отраслях экономики на Урале более половины занятых составляли выходцы из деревни.²⁶

До конца 1920-х гг. приток крестьян на стройки осуществлялся через биржи труда (путем заключения индивидуальных договоров) и стихийно, самотеком. Как показывают источники, последняя форма преобладала на Урале. Так, более половины рабочих Уралмашстроя и Челябинского тракторстроя прибыли самостоятельно.²⁷

Пытаясь наладить процесс обеспечения строящихся заводов рабочими кадрами, Экономический совет РСФСР в 1930 г. обязал отделы труда всех уровней, включая Наркомат труда, организовывать вербовочные аппараты. Наряды органов труда на вербовку и переброску рабочей силы имели обязательный характер. Отходники полностью освобождались от всяких отчислений от заработка в общественные фонды колхозов, семьи колхозников-отходников пользовались помощью колхоза наравне с прочими его членами. Эти и другие льготы были закреплены в постановлении ЦИК и СНК СССР «Об отходничестве» от 30 июня 1931 г.²⁸ Огромное внимание, которое уделялось привлечению жителей села к работе в городах, привело к существенному оттоку крестьянства. По сведениям РКИ, из колхозов Уральской области на новостройки и в промышленность в течение 1931 г. ушло 301,1 тыс. человек (18,7 % от общего числа трудоспособных). Часть крестьян бежали из деревни, не желая оставаться в колхозах, поскольку отходничество позволяло не возвращаться на прежнее место жительства. К маю 1932 г. на заводы

²⁴ ГАСО. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 547. Л. 7; Д. 572. Л. 25.

²⁵ См.: Земсков В. Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД СССР) // Сопис. 1990. № 11. С. 3; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. Екатеринбург, 1993. С. 36.

²⁶ Рассчитано по: Профсоюзная перепись 1932–1933. Стат. отд. М., 1934. С. 96–151.

²⁷ ГАСО. Ф. р-245. Оп. 1. Д. 400. Л. 18.

²⁸ Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уральского областного исполнительного комитета. Свердловск, 1931. С. 301, 536–538.

Востокстали прибыло 10,1 тыс. человек из деревни, из них осталось на постоянную работу 3,3 тыс. человек. На Магнитострой в 1932 г. было завербовано 9,8 тыс. человек, а самотеком прибыло 13,3 тыс. человек.²⁹

Отток населения из деревни в 1932 г. усилился. Чтобы остановить неуправляемый поток из деревни (в основном из-за вспыхнувшего голода) и попытаться направить его в «нужное русло», было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов» от 17 марта 1933 г. Отходниками теперь считались лишь те лица, которые заключили договор с хозяйственной организацией.³⁰

Другой мерой, призванной оградить города от наплыва самовольных переселенцев, стало введение с начала 1933 г. паспортной системы с обязательной пропиской по месту жительства.³¹ Однако масштабы бегства крестьян из деревни не уменьшались. 21 июня 1938 г. было принято постановление СНК СССР «Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов», в котором отмечалось, что учет отходников поставлен плохо, а в ряде колхозов Свердловской области ощущается нехватка рабочих рук. С 1 сентября 1939 г. Комиссия по оргнабору рабочей силы при СНК СССР стала выделять наряды на вербовку рабочей силы только для нужд строительства, лесозаготовок, угольной, торфяной и рудной промышленности, рыбных промыслов и сахарных заводов.³²

Небывалые масштабы в 1930-е гг. приобрела на Урале детская беспризорность. Причины беспризорности были многочисленны и разнообразны. Основными источниками формирования этой социально-демографической группы на Урале являлись массовые перемещения населения (и добровольные, и насильственные), сиротство, потеря родственников в силу различных трагических обстоятельств, самовольный уход из семьи (вызван ломкой традиционной семьи, изменением роли женщин, семейных ценностей, разрушением воспитательного потенциала семьи). В 1930-е гг. только через систему учреждений для беспризорников на Урале прошло более 100 тыс. детей.³³

В период между переписями 1926 и 1937 гг. численность населения Свердловской области (в сопоставимых границах) увеличилась на 30,9%, причем горожан стало больше на 145,8%. Это привело к его структурным изменениям. Так, доля сельского населения неуклонно сокращалась: в 1926 г. она составляла 73,3%, в 1932 г. — 59,6, в 1933 г. — 55,0, в 1934 г. — 51,8, в 1936 г. — 44,3, в 1937 г. — 43,3%. В целом по Уралу между переписями 1926 и 1939 гг. население увеличилось с 10,8 млн до 13,5 млн человек (на 25%), при этом городское население выросло в 2,6 раза, а сельское сократилось на 3,1%. Наибольшая убыль селян отмечалась в тех областях, где особенно интенсивно шел процесс индустриализации (в Пермской, Свердловской и Челябинской). В то же время в Башкирии, Удмуртии, Оренбургской области наблюдалось увеличение численности сельского населения: здесь его естественный прирост значительно перекрывал количество уехавших из села.

Третья волна миграций на Урале связана с расширением границ СССР и началом Великой Отечественной войны. Только за март–июнь 1941 г. из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии на спецпоселения было отправлено 85 тыс. человек. Несмотря на особенности данной категории мигрантов (размещение в обособленных поселках, низкий естественный прирост, плохие социально-бытовые условия), они стали одним из значимых источников формирования населения Уральского региона.

В годы Великой Отечественной войны переселения на Урал носили добровольный и насильственный характер. Поток переселенцев связан в основном с эвакуацией на Урал 788 промышленных предприятий с работниками и членами их семей, а также с беженцами. Эвакуация проходила в два этапа: первый — летом и осенью 1941 г., второй — летом и осенью 1942 г. На первом этапе, уже в ноябре 1941 г., Урал принял 1 млн эвакуированных, к концу года их число выросло до 1,5 млн человек, а к апрелю 1942 г. — до 1,6 млн. Затем в результате естественной убыли и частичной реэвакуации количество эвакуированного населения к лету 1942 г. сократилось до 1,4 млн, а в связи с новой волной эвакуации выросло к лету 1943 г. до 1 520,3 тыс. человек.³⁴

²⁹ ГАСО. Ф. 245. Оп. 2. Д. 13. Л. 17; Д. 182. Л. 6–42.

³⁰ Официальный сборник важнейших законов... С. 168.

³¹ Там же. С. 186, 187.

³² Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938. № 4. С. 480–483.

³³ См.: Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов. Екатеринбург, 2009. С. 7, 8, 32.

³⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 133.

На первом этапе эвакуации наибольшее число людей прибыло на Урал из центральных областей России (из Москвы, Ленинграда), с Украины (из Киевской, Днепропетровской и Сталинградской областей), из Белоруссии, Крымской АССР и Прибалтики.

В течение 1942 г., на втором этапе, значительную долю составляли эвакуированные из Ленинграда, Краснодарского и Ставропольского краев, автономных республик Северного Кавказа, а также из Воронежской и Сталинградской областей. На территории Урала была размещена четвертая часть всех эвакуированных с территорий РСФСР. Эвакуация оказывала существенное воздействие на динамику численности населения региона. Удельный вес эвакуированных среди всего населения Урала в конце 1941 г. составлял 9,9%, через год доля эвакуированных сократилась незначительно и составляла 9,7%, на начало 1944 г. — 7,0, к началу 1945 г. — 4,2, а к июню 1945 г. — 2,8%. Реэвакуация населения на места их прежнего жительства проводилась по мере освобождения территории от врага и осуществлялась по распоряжениям и постановлениям правительства, а также в индивидуальном порядке по вызовам областных, краевых и городских исполкомов. На территории РСФСР на 1 января 1946 г. осталось около 1 млн эвакуированных граждан.³⁵ Второй поток переселенцев военных лет на Урал связан с массовой депортацией народов из Крыма, с Северного Кавказа, из Поволжья. К августу 1946 г. в регионе оказалось около 150 тыс. немцев, калмыков.³⁶ Третий поток составили военнопленные и интернированные. Летом 1946 г. их насчитывалось на Урале 220 тыс. человек. Только в Свердловской области было размещено 82,3 тыс. иностранных военнопленных II Мировой войны.³⁷

Приток населения на Урал сопровождался его оттоком. За 1942–1945 гг. Урал потерял 2,7 млн человек (на начало 1942 г. население региона составляло 15,6 млн человек, на начало 1946 г. — 12,9 млн). Большие людские потери понесла деревня. В 1942–1944 гг. в уральской деревне фиксировалась естественная убыль населения; шел отток трудоспособного насе-

ления на предприятия, стройки, транспорт; для мужчин, занятых в сельском хозяйстве, отсутствовала бронь при призыве в армию. Сельское население региона за годы войны сократилось на 2,2 млн человек (на 25%), резко деформировалась его половозрастная структура.

В 1930–1940-е гг. в регионе фиксировались высокие темпы урбанизации. Только за годы войны число городов и поселков городского типа выросло здесь с 226 до 282. На Урале изменилось и соотношение городского и сельского населения. Если до войны доля горожан составляла 37,5%, а селян — 62,5%, то к концу войны — соответственно 49,4% и 50,6%. Впервые в истории региона количество горожан и селян уравнилось.³⁸ Возросшие темпы военно-индустриального строительства на Урале ускорили рост городского населения, в основном за счет миграций. Доля мигрантов в общей численности городского населения Свердловской области в 1941–1945 гг. составляла 94%.³⁹ Решающая роль в этом принадлежала сельским жителям. Причинами, побуждавшими селян к переезду, были не только мобилизации и призывы, но и крайне низкий уровень жизни в деревне, тяжелые условия труда и быта, малая заинтересованность колхозников, работников совхозов и машинно-тракторных станций в развитии общественного хозяйства.

В послевоенное пятнадцатилетие население Урала пополнялось демобилизованными военными; советскими воинами, освобожденными из немецкого плена; жителями западных районов Украины, Белоруссии, Прибалтики. Приток населения был связан и с развернувшимся строительством объектов атомной промышленности и пяти «закрытых городов» (ныне города Лесной, Новоуральск, Озёрск, Снежинск, Трехгорный).⁴⁰ За 1946–1958 гг. население региона увеличилось, в целом, на 4,6 млн человек (на 35,9%), из них 3 млн человек приходилось на естественный прирост, 1,6 млн — дала миграция.

³⁸ См.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война. С. 154.

³⁹ См.: Кругликов В. В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): Автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 23.

⁴⁰ См.: Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006. 175 с.; Новоселов В. Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999. 278 с.; Тихонов В. А. Закрытые города в открытой России // Проблемы прогнозирования. 1996. № 6. С. 77–96; Толстикова В. С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998). Челябинск, 1998. 301 с.; и др.

³⁵ См.: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 105; Корнилов Г. Е. Уральское село и война. С. 98, 99.

³⁶ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 14. Д. 1. Л. 13; Оп. 2. Д. 721. Л. 80.

³⁷ См.: Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 67.

Значительную долю мигрантов составили сельские жители. За межпереписной период 1939–1959 гг. численность населения уральской деревни сократилась на 15,2%, наибольшую убыль понесли территории с высокой долей сельского населения — Курганская, Оренбургская области и Башкирская АССР.

Таким образом, вторая фаза миграционно-го перехода на Урале характеризовалась массовой миграцией из села в город, охватившей

все территории региона, и изменением соотношения городского и сельского населения.

Выделенные две фазы миграционного перехода на Урале опережали развертывание первой фазы демографического перехода. Миграция и способ расселения населения выступали мощными социально-экономическими факторами исторических сдвигов в функционировании демографической системы Урала и его развития.

Ключевые слова: *демографическое развитие, формирование населения, добровольная и насильственная миграция*

Gennady E. Kornilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: genakorn@mail.ru

MIGRATION PATTERNS AND SHAPING OF THE URAL POPULATION IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

The paper presents a retrospective analysis of migration patterns of the first half of the 20th century, which played the leading role in the shaping of the population of the Ural region. Based on the published documents and archives the patterns, direction and scope of migration was established. Most of the migrants went to the cities contributing to the accelerated urbanization and providing labor for industry, transport and development projects. Vast majority of the migrants were farmers. The author made an attempt to relate the phases of the demographic changes in the Ural to the migration process phases, and demonstrated the effect of migration on the demographic potential of the region.

Key words: *demographic development, the formation of public, voluntary and forced migration*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Alekseev V. V. *Istoricheskaya demografiya: novye podkhody, metody, istochniki. VIII Vserossiyskaya konferentsiya po istoricheskoy demografii* (Historical demography: new approaches, methods, sources. VIII All-Russian conference on historical demography). Moscow: IRI RAN, 1992, pp. 3–5. (in Russ.).
- Besprizornost na Urale v 1929–1941 gg. Sbornik dokumentov i materialov* (Homelessness in the Urals in 1929–1941 years. Collection of documents and materials). Ekaterinburg: izdatelstvo AMB, 2009, 736 p. (in Russ.).
- Feldman M. A. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001, 430 p. (in Russ.).
- Gatrell P. Bloomington: Indiana University Press, 1999, 317 p. (in English).
- Harris J. R. Ithaca: Cornell University Press, 1999, 235 p. (in English).
- Kessler G. *Cahiers du Monde russe*, 42/2-3-4, Avril-décembre 2001, pp. 477–504. (in English).
- Kessler G. The peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–40. PhD-thesis. European University Institute, Florence, 2001. (in English).
- Khozyaystvo Urala* (The economy of the Urals), 1926, № 13–14. (in Russ.).
- Khozyaystvo Urala* (The economy of the Urals), 1928, № 8–9. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. Moscow: “Yanus-K”, 2001, 544 p. (in Russ.).
- Kornilov G. E. *Otechestvennaya istoriya* (National history), 1993, № 3, pp. 67–82. (in Russ.).

- Kornilov G. Ye. Ekaterinburg: Uralagropress, 1993, 174 p. (in Russ.).
- Kornilov G. Ye. *Rossiyskaya istoriya* (Russian history), 2010, № 4, pp. 94–106. (in Russ.).
- Kornilov G. Ye. *Sotsialno-demograficheskoe razvitie uralskogo sela: sb. nauch. tr.* (Socio-demographic development of the Urals village: collected papers). Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1988, pp. 37–44. (in Russ.).
- Kornilov G. Ye., Pavlova O. V. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2003, № 9, pp. 210–226. (in Russ.).
- Kruglikov V. V. *Gorodskoe naselenie Sverdlovskoy oblasti nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1939–1945 gg.): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (The urban population of the Sverdlovsk region before and during the Great Patriotic War (1939–1945 gg.): summary dissertation of the thesis for the degree of candidate of historical sciences). Ekaterinburg, 2007, 24 p. (in Russ.).
- Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G., Kornilov G. Ye., Alferova Ye. Yu., Golikova S. V. Ekaterinburg: Izdatelstvo “Ekaterinburg”, 1996, 212 p. (in Russ.).
- Melnikova N. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2006, 176 p. (in Russ.).
- Novoselov V. N. Chelyabinsk: UralGAFK, 1999, 278 p. (in Russ.).
- Ofitsialnyy sbornik vazhneyshikh zakonov pravitelstva, postanovleniy i rasporyazheniy Uralskogo oblastnogo ispolnitelnogo komiteta* (The official collection of the most important laws of the government, decrees and orders of the Ural regional executive committee). Sverdlovsk, 1931. (in Russ.).
- Orudzhieva A. G. *Naselenie Rossii i SSSR: novye istochniki i metody issledovaniya: sb. nauch. tr.* (The population of Russia and the USSR: new sources and methods: collected papers). Ekaterinburg: IiA UrO RAN, 1993, pp. 29–38. (in Russ.).
- Prodovolstvennaya bezopasnost Urala v XX veke: dokumenty i materialy* (Food security of the Urals in the XX century. Documents and materials). Ekaterinburg: Akademkniga, 2000, Vol. 1, 456 p. (in Russ.).
- Profsoyuznaya perepis 1932–1933. Statisticheskii otdel* (Trade union census of 1932–1933. Statistics division). Moscow, 1934. (in Russ.).
- Raskulachennye spetspereselentsy na Urale (1930–1936): sbornik dokumentov* (Dekulakized special settlers in the Urals (1930–1936): collection of documents). Ekaterinburg: UIF “Nauka”, 1993, 222 p. (in Russ.).
- Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli. 2006. Statisticheskii sbornik* (Regions of Russia. Socio-economic indicators. In 2006. Statistical collection). Moscow: Rosstat, 2007, 981 p. (in Russ.).
- Rukosuev A. Ye., Surzhikova N. V. “Vooruzhennyye konflikty na rubezhe XIX–XX vv.”: *Materialy mezhtseleynoy nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov, posvyashchennoy 90-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny* (“Armed conflicts in the XIX–XX centuries”: Materials of interregional scientific conference of students and graduate students on the 90th anniversary of the First World War). Ekaterinburg: UrGEU, 2004, pp. 90–94. (in Russ.).
- Safonov D. A. Orenburg: Izd-vo “Orenburgskaya guberniya”, 1999, 316 p. (in Russ.).
- Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy pravitelstva SSSR* (Assembly resolutions and orders of the Government of the USSR), August 7, 1938, № 4. (in Russ.).
- Statisticheskii sbornik Chelyabinskoy gubernii za 1920–1923 gg.* (Statistical bulletin of Chelyabinsk province for 1920–1923 years). Chelyabinsk: Izd. Chelyabgubstatbyuro, 1923, 396 p. (in Russ.).
- Statisticheskii sbornik na 1923 g.* (Statistical bulletin for 1923). Ohansk: izd. Permgubispolkoma; Permgubstatbyuro, 1923, 266 p. (in Russ.).
- Statisticheskii sbornik Yekaterinburgskoy gubernii za 1922 god* (Statistical bulletin of the Ekaterinburg province for 1922). Ekaterinburg: Uralkniga, 1923, 226 p. (in Russ.).
- Surzhikova N. V. Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet, 2006, 500 p. (in Russ.).

-
- Tikhonov V. A. *Problemy prognozirovaniya* (Problems of forecasting), 1996, № 6, pp. 77–96. (in Russ.).
- Tolstikov V. S. Chelyabinsk: ChGAKI, 1998, 300 p. (in Russ.).
- Uralskaya istoricheskaya entsiklopediya* (Ural Historical Encyclopedia). Ekaterinburg: Izd-vo “Ekaterinburg”, 1998, 616 p. (in Russ.).
- Uralskoe khozyaystvo v tsifrah. 1928* (Ural economy in figures. 1928). Sverdlovsk, 1929. (in Russ.).
- Uralskoe khozyaystvo v tsifrah. 1929* (Ural economy in figures. 1929). Sverdlovsk, 1930. (in Russ.).
- Uralskoe khozyaystvo v tsifrah. 1930* (Ural economy in figures. 1930). Sverdlovsk, 1931, Issue 1. (in Russ.).
- Vakatova L. P. *Iz istorii rabochego klassa i krestyanstva Permskogo kraya: sb. nauch. tr.* (From the history of the working class and peasantry of Perm region: collected papers). Perm: Permskiy universitet, 1965, pp. 60–72. (in Russ.).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Uralskaya oblast. Otdelenie 3. Otdelnyy ottisk tablitsnoy chaste* (All-Union census of 1926. Ural region. Branch 3. A separate copy of the table). Moscow: Izdanie TsSU Soyuza SSR, 1930. Vol. 38. (in Russ.).
- Zelinsky W. *Geographical Review*, 1971, Vol. 61, № 2, pp. 219–249. (in Russ.).
- Zemskov V. N. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Studies), 1990, № 11, pp. 3–17. (in Russ.).